

МИХАИЛ ЖАРОВ ВСПОМИНАЕТ...

Большой интерес у читателей журнала «Театр» вызвали мемуары народного артиста СССР Михаила Ивановича Жарова. Журнал продолжает публикацию мемуаров.

Премьера пьесы Алексея Файко «Учитель Бубус» состоялась в театре имени Вс. Мейерхольда 25 января 1925 года. Молодой артист Михаил Жаров играл в спектакле эпизодическую роль. Но в его воспоминаниях о работе над этой ролью возникает обаятельный образ блистательного мастера театра Всеволода Эмильевича Мейерхольда.

★

у Шлепянова, и я попросил его следить за временем. Спектакль шел весело, мы увлеклись, а когда он взглянул на часы, то воскликнул в укасе:

— Осталось 20 минут до твоего выхода!

Я, как ошпаренный, выскочил из театра, транспорта не было, и я помчался пешком на нынешнюю площадь Маяковского. Задышавшись, вбежал в уборную, заметив по дороге, что Мейерхольд, как всегда, стоит в левой первой кулисе. Одной рукой раздеваюсь, другой — одеваюсь, кто-то напяливает на меня фрак, парикмахер натягивает парик, клеит нос, помреж кричит:

— Твой выход!

Я выскочил на сцену, еще не отдышавшись, и с ходу произнес:

— Господин коммерции советник, я должен вас предупредить.

Тот говорит:

— Короче.

Я быстро бежал еще по инерции от прежней гонки кресло и выпалил:

— Господин коммерции советник, я...

— Короче.

Снова пробежка вокруг кресла:

— Господин коммерции...

— Короче.

Я теряю дыхание, у меня сосет под ложечкой и при последнем слове «Короче» я издаю «ах!» и падаю в обморок.

В зале гром аплодисментов.

Мейерхольд после спектакля мне говорит:

— Ты сегодня интересно играл. Не понимаю, в чем дело?

— А я понимаю... сегодня я опаздывал на спектакль и всю дорогу бежал.

— Ну, и?..

— Ну, и это совпало с внутренним содержанием моего выхода. Раньше я старательно, но формально и холодно исполнял показанную вами мизансцену, а сегодня я ее пережил! Все оказалось верно!

Оказывается, даже такой мудрец, такой тончайший знаток техники актера, как Мейерхольд, не всегда мог понять органику актера. Он дал мне пластический рисунок роли, но его нужно было наполнить внутренним состоянием. Все что показывал и подсказывал Мейерхольд, надо было воспринимать не механически, а в результате работы собственной фантазии, мысли, чувств.

В «УЧИТЕЛЕ Бубусе» я играл секретаря торговой палаты. Это был маленький выход, буквально несколько слов, но с точки зрения пантомимической «предыгры» он был чрезвычайно показателен. Вся роль строилась на пластическом обыгрывании реплики входящего с докладом секретаря «коммерции советника» (его играл Б. Захава). Раздвинув бамбуковый занавес и выйдя на сцену, я должен был остановиться у плетеного кресла и сказать:

— Господин коммерции советник, я должен сообщить вам...

Шеф меня перебивал:

— Короче.

Тогда я обходил кресло и, вернувшись в исходное положение, вновь произносил:

— Господин коммерции советник, я должен...

— Еще короче.

Я опять обходил вокруг кресла, набирал в легкие воздух:

— Господин коммерции советник... я...

— Короче.

Я обошел кресло еще стремительнее:

— Господин коммерции...

— Короче...

Так после каждой реплики я, чиновник-педант, обходя кресло, начинал доклад сначала, пока не оставалось одно слово: «Господин».

— Короче!

Короче было нельзя, и тогда я, обходя кресло, издавал звук — среднее между «ах!» и «ух!» и падал в обморок. Сцена на премьере имела успех.

Мейерхольд мне сказал:

— Вот видишь, а ты не хотел играть, говоришь — маленькая роль. Смотри, как я тебе ее отдал. Неважно, маленькая или большая, важно, как ее сделать.

Не знаю, почему может быть премьерная публика была очень уж добродушно настроена или я что-то утерял, но потом мне в этой сцене уже не везло.

Однажды случилось так, что я с Ильей Шлепяновым, художником этого спектакля, пошел слушать оперетту. В «Бубусе» я выходил в последнем акте, примерно часов в десять, во всяком случае за полчаса необходимо быть в театре. Часы были только

Когда я торопился, весь мой организм, все мое существо трепетало: «Опоздал, опоздал», и тот взволнованный, трепещущий ритм в наибольшей степени соответствовал данной роли, вернее пластическому решению данного куска спектакля.

После спектакля автор пьесы А. Файко сказал мне:

— Понял, наконец, как надо играть этого молодого человека. Он ведь рьяный служака. Он попал меж двух огней: и сказать надо скорее и поделкатнее, и шефа не разозлить.

Этот урок раскрыл мне важный закон: актер не смеет полагаться только на режиссера. Активная самостоятельность — прежде всего!

21 НОЯ 1964

ВЕЧЕРНИЙ МОСКВА

Москва